

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

ОБЕЛИСК

*По всей России обелиски,
Как души, рвутся из земли.*

Римма Казакова

На всю жизнь запомнился мне обелиск у обочины лесной дороги, ведущей из деревушки Несоново в поселок Загорье.

По этой извилистой лесной дороге мне пришлось ходить с друзьями целых одиннадцать лет в поселковую школу. И все эти годы у тихой лесной речушки Навли, в оградке из штакетника, сверкал серебром на солнце стройный обелиск, на вершине которого алым огоньком горела небольшая пятиконечная звезда. У подножия обелиска в летнее время лежали пестрые полевые цветы, а зимой к нему вела расчищенная от снега тропинка.

ка. На темной металлической пластине в центре обелиска была выбита надпись: Трофимов Павел Алексеевич (1924—1942).

Мы с ребятами долго не знали, кто так заботливо ухаживает за лесным памятником, пока однажды весной, поутру шагая в школу, не увидели в оградке свою любимую учительницу Марию Константиновну с букетиком скромных ландышей в руках, на листьях которых еще блестели капли росы. Мы подбежали к учительнице и заметили, что на ее щеках в лучах утреннего солнца блестят такие же капли. С той поры мы тоже стали собирать в березовом лесочке яркие цветы с белыми, синими, розовыми, желтыми венчиками, которыми были залиты лесные поляны, и носить их к памятнику. Застав нас однажды за этим занятием, Мария Константиновна сказала:

— Спасибо вам, ребята, за память о Павлуше.

— А кто он, Павел Трофимов? — заинтересованно спросил один из нас.

— Партизан-разведчик, отважный парень и мой друг, — взволнованно ответила Мария Константиновна. — Павел погиб в юном возрасте незадолго до освобождения нашей области от фашистов...

— Расскажите о нем, — попросили мы учительницу.

Она грустно улыбнулась и слегка кивнула головой.

...В глухую лесную деревушку Несоново фашисты нагрянули на рассвете, в синеватой темноте, когда жители еще спали.

Суматошные крики людей, гвалт домашней птицы, визг поросят, лай собак неслись от края до края деревни, пронзая утреннюю тишину и эхом отзываясь в густом лесу. Вскоре вся деревня была уже на ногах. Кто-то бросился спасать свой скарб, кто-то скотину, а кто-то свою жизнь, решив укрыться в лесу. Но деревня была уже полностью оцеплена. Прозвучали первые выстрелы, и люди вынуждены были вернуться назад.

Жителей собрали в центре деревни на зеленой полянке у сельского совета. Выставили охрану. На крыльцо поднялся высокий худой офицер. Рядом прыгал маленький плюгавый мужичишка — переводчик из русских.

Офицер через переводчика сообщил, что в соседнем селе Сергеевка прошедшей ночью партизаны напали на ночной санаторий для немецких пилотов с Сещинского аэродрома. Погибли опытные асы, крылатые любимцы фюрера. Сожжено здание санатория, уничтожено имущество. «Нам стало известно, что бандитам помогали жители вашей деревни. Партизаны изучили подступы к санаторию, охрану и вооружение, расположение постов, размещение помещений, наличие отдыхающих. Это значит, что они долгое время вели наблюдение за объектом, а пособниками у них были местные жители», — заключил офицер. И предложил выдать тех, кто поддерживал связь с партизанами, их родственников, а также коммунистов и комсомольцев. За достоверную информацию офицер пообещал большую премию от немецкого командования и хороший паек.

— Даю на размышление не более пяти минут. Если не будут выданы сообщники бандитов, все жители будут расстреляны, а деревня сожжена.

— Как же, так и выдали тебе, чертов хлыщ, сообщников. Мы все сообщники в борьбе против вас, оккупантов, — пробурчал в толпе старик Артем Трофимов.

Но тут из передней шеренги шагнул вперед горбун Егор Шугуров, бухгалтер сельсовета:

— Здесь, среди нас, учительница Машка Елизарова, — кивнул он на толпу. — Ее отец, Константин Елизаров — партизанский комиссар. Вот и пусть она отвечает...

Толпа зашикала на предателя. Офицер вытащил пистолет из кобуры, выстрелил в воздух и нервно крикнул:

— Ахтунг! Кто есть Машка Елизарова?

Горбун показал в середину толпы, где, втянув голову в худенькие плечи, стояла стройная русоволосая девушка с косой до пояса. Солдаты бросились к ней и вытолкнули вперед прикладами автоматов.

— Ты есть дочь комиссара? — ткнул пальцем в грудь девушки офицер.

— Я не знаю, где мой отец. Возможно, он воюет на фронте, — робко ответила Маша. — В деревню он не приходил...

— Арестовать и отправить в комендатуру! — дал команду офицер.

В это время из шеренги вышел дед Артем. Он пристально взгляделся в своих земляков. На их лицах была печаль страданий и горя.

— Отпустите учительницу. Партизаны приходили ко мне. — Он с ненавистью глянул на Горбуна и сквозь зубы произнес: — Как же ты теперь жить думаешь, иуда?

Два рослых эсэсовца подхватили старика под руки, потащили к машине. Туда же направился офицер. Следом бросились солдаты. Они быстро заполнили грузовики и колонна из трех грузовиков, грозно урча, двинулась в сторону Загорья.

А наутро следующего дня эсэсовцы вновь нагрянули в деревню. Вновь стоял шум, визг, звучали выстрелы, слышались тревожные крики, раздавался плач детей и женщин. На той же полянке у сельского совета офицер-хлыщ через переводчика объявил поникшим людям:

— Вчера вечером был убит Егор Шугуров, который верно служил новой власти. Это дело рук тех, кто связан с партизанами. Мы намерены уничтожить деревню, если не будут выданы их сообщники.

Люди замерли. Притихли даже малые дети. Вокруг стояла тревожная, настороженная тишина. И только

могучие сосны чуть слышно шептались меж собой о том, что не в силах помочь людям, защитить их, спасти от беды. Неожиданно из толпы решительно шагнул вперед крепкий парень в стеганке, перепоюсанной широким ремнем, и громко сказал:

— Это я его убил. Таким не место среди людей.

Это был внук деда Артема и друг Маши Елизаровой Павел Трофимов. Вечером он возвращался с товарищами из разведки и заглянул в Несоново. Узнав о том, что его подругу и деда схватили гитлеровцы по доносу Горбуна, Павел решил наказать предателя. Павел вытащил его из погреба, где он спрятался на ночь и предложил следовать в партизанский отряд. Горбун упирался. И тогда Павел отвел его в лог за околицу и дал по нему очередь. Жители деревни, узнав об этом, в один голос заявили: «Собаке — собачья смерть». Павел заночевал в деревне. Он не знал, что сын Горбуна Сенька тайком сбежал к немцам и сообщил им, что отец расстрелян партизанами.

К Павлу бросились гитлеровцы, заломили руки, прикладами автоматов затолкали в кузов машины.

— Он будет казнен на виду у всей деревни, но только после того, как назовет сообщников и тех, кто помогает партизанам. И такая участь постигнет каждого, кто выступит против нового порядка, против преданных нам людей,— выкрикнул Хлыщ. Переводчик едва успевал переводить, непрестанно вытирая платком пот с одутловатого лица.

Когда колонна двинулась в путь, кто-то в толпе тяжело вздохнул:

— Жаль партизаны не знают, что фашисты повадились в лес. Они бы встретили их и проводили с почестями.

Но вскоре жители деревни услышали выстрелы. Надеждой и радостью засветились их лица. Это шел бой у реки Навли, на полпути к Загорью.

Командир партизанского отряда, обеспокоенный тем, что разведчик Трофимов не вернулся с боевого задания, ломал голову: «Что случилось?» На рассвете он послал связного в Несоново. Тот возвратился и сообщил о последних событиях в лесной деревне. И тогда командование отряда приняло решение устроить засаду на колонну гитлеровцев у моста через Навлю.

Бой был недолгим. Пользуясь внезапностью, партизаны окружили и уничтожили небольшой отряд противника, захватили вооружение и технику. Воодушевленный успехом командир предложил продолжить операцию: напасть на комендатуру в Загорье и освободить заложников. Партизаны переоделись в немецкую форму, пересели на немецкие автомашины и мотоциклы и двинулись в поселок.

Операция прошла удачно. Гарнизон гитлеровцев в Загорье был практически полностью уничтожен. Но и партизаны понесли потери. Несколько человек погибли. При штурме комендатуры получил тяжелое ранение разведчик Павел Трофимов. На обратном пути он скончался и был похоронен у лесной дороги, неподалеку от Навли.

Марию Елизарову враги расстрелять не успели. Но пытки, избиения и издевательства не прошли для нее даром. А главное, она потеряла любимого человека, который сделал все, чтобы спасти ее. И это явилось для нее глубокой, незаживающей душевной раной на всю жизнь.

Молодость и время вернули ей силы. После войны она вновь занялась любимым делом — продолжила учить грамоте деревенских ребятишек. Эта женщина светлой красоты и пленительного нрава замуж так и не вышла. Одни считали, что Мария не встретила парня, похожего на Павла, другие — что она хранила ему верность.

Прожила Мария Константиновна не долгую, но содержательную жизнь, воспитала немало замечательных учеников. И всю жизнь она была верна любимому, свято хранила память о нем, ухаживала за его могилой и, умирая, завещала похоронить ее рядом с Павлом, у лесной дороги.

Благодарные ученики выполнили ее наказ. И теперь на обелиске их имена рядом: Трофимов Павел Алексеевич и Елизарова Мария Константиновна.

СНЕГИРИ

*...Я знаю, ты рядом со мною
Сто раз свою грудь подставлял.
К. Симонов. Безыменное поле.*

Каждую зиму в Мареевку, лесную деревушку в одну улицу, прилетала стайка снегирей.

Едва проселок укрывался белым покрывалом — птицы тут как тут, на деревенском пустыре, напротив хаты Листратовых. В эту пору Павел Максимович Листратов оставлял все дела и устраивался у подслеповатого окна своей состарившейся, довоенной постройки избы и пристально наблюдал, как красавцы-птицы в красных галстуках кормились на сухих репейниках, сплошь укрывших опустевшую усадьбу.

На этой усадьбе жил фронтовик Егор Мирошин, друг детства Павла Листратова. Несколько лет назад Егора не стало. Он ушел ночью, не успев проститься ни с женой, ни с другом. Фронтовик умер от ран, полученных в бою под Чаусами — нестерпимую боль не выдержало сердце. Вскоре после смерти Егора покину-

ла этот мир и его жена Мария Николаевна. Родственники, живущие в соседнем селе, разобрали постройки на дрова и усадьба фронтовика опустела.

С уходом Егора Мирошина в Мареевке остался единственный фронтовик Павел Листратов. Старик выглядел статным, худошавым, подтянутым, только седые волосы да борозды-морщины на смуглом лице, словно кора на старом дереве, выдавали его года и пережитые испытания.

Дождавшись снегирей, Павел Максимович изо дня в день с замиранием сердца следил за птицами, пребывая в глубоком раздумье. Его сухонькая, миловидная жена Анна Петровна или Анюта, как ласково называет ее Павел Максимович, в такие минуты старалась не тревожить старика и даже не напоминать о своем присутствии. Кому, как не ей знать, что снегири для Павла это отдельная, судьбоносная история. Впрочем, как и для нее...

Суровой зимой 41-го их стрелковый батальон вел тяжелые бои под Можайском. Между боями командир батальона капитан Онуфриев, бывший начальник одной из западных пограничных застав, седовласый, широкоплечий сибиряк с крупным волевым лицом, которого бойцы меж собой уважительно называли отец Онуфрий, всячески стремился организовать разведку, чтобы четко представлять силы и средства противника на передовых рубежах.

В тот декабрьский день был тяжелый бой за хутор Вьюнки, приютившийся у подножья небольшой высотки. Немцы, уверенные в своем превосходстве, как оголтелые бросались в лобовую атаку, но батальон Онуфриева выстоял, не отступил, хотя понес немалые потери. Во второй половине дня наступило затишье. Похоже, немцы, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление со стороны русских, решили перегруппировать свои силы и обойти высотку с флангов.

Получив небольшую передышку, наши бойцы старались успеть залечить раны, согреться, запастись боеприпасами и похоронить боевых товарищей. Тем временем комбат через политрука вызвал посыльного в штабную землянку и отдал команду:

— Листратова и Назаревича ко мне!

Через пару минут разведчики стояли перед комбатом навтыжку.

— Присаживайтесь,— жестом показал Онуфриев на широкую лавку,— и угощайтесь. Вот для вас горячий чай...— Капитан поставил на грубо сколоченный стол две потускневшие алюминиевые кружки, рядом положил несколько тоненьких черных сухарей.— А заодно — о деле. Надо срочно выяснить обстановку на передовой у немцев. Нам необходимо знать, что они затевают. Не скрою, риск велик, придется идти белым днем, но ждать нельзя. В любую минуту наступление немцев может возобновиться. Очень рассчитываю на вас. Старшим назначаю сержанта Листратова.

— Слушаюсь,— вскочил со скамьи и вытянулся в струнку Павел.

— Если задача ясна — облачайтесь в маскхалаты и с Богом.

Комбат встал из-за стола, поочередно пожал руки разведчикам.

Проходя мимо окопа, где находился полевой лазарет, Сергей Назаревич, худенький, невысокий боец, похожий на мальчишку, до войны успевший окончить педагогический техникум, будто советуясь с Павлом, сказал:

— Хочу на минутку к Анюте забежать.

— Жду тебя у обгорелой березы,— кивнул за бруствер окопа Павел.

— Я мигом,— крикнул на ходу Сергей.

Он догнал Павла, когда тот, укрывшись за стволом старой, почерневшей от копоти березы, намечал дальнейший маршрут передвижения.

— С Анютой не увиделись,— с сожалением сказал Сергей.— Работы у нее невпроворот — в дальнем окопе перевязывает тяжелораненых. И с горечью добавил:

— Впервые иду в разведку без ее благословения.

— Ничего, даст Бог, увидите после,— успокоил друга Павел.— Давно хотел тебе сказать, но все было не к месту — замечательная девушка твоя Аня. Даже не думал, что она такая нежная и хрупкая на вид, может выдержать трудности фронтовой жизни, да еще на передовой. Никогда не слышал от нее жалоб. Раненых почти безнадежных выхаживает, видать, каждому из них часть своего сердца отдает. Не зря бойцы ее так любят. Завидую тебе по-доброму, Серега. И жена будет верная, и хозяйка что надо...

Сергей слегка смутился, кивнул в знак согласия головой.

— Ранение у меня под Могилевом было очень серьезное, я тебе рассказывал,— напомнил другу Сергей.— Шансов выжить не было. Но Аня спасла меня, вытащила с поля боя под пулями и выходила. Я тогда поклялся себе: если выживу, то непременно женюсь на ней. Но побаивался, что она меня отвергнет — ведь красавица редкая, я нечета ей. К счастью, приглянулись друг другу... Закончится война, увезу Анютку в свое родное село, с красивым названием Серебряный Ручей, что под Кричевом, сыграем свадьбу. Всех фронтовых друзей на свадьбу приглашу, а тебя, Павел, как земляка,— первым.— Назаревич дружески взглянул на сержанта.— Построим новый дом. Анютка нарожает мне крепких красивых детей. И зазвонят голоса в нашей светлой просторной избе. Посадим сад, заведем скот и птицу. Я буду деревенских детишек грамоте учить, а Анюта будет в сельском медпункте работать, людям помогать.

По снежной целине разведчики по-пластунски медленно продвигались в сторону опустевшей деревни Понизовье, где на окраине окопались немцы. Благополучно добравшись до небольшой балки, друзья затаи-

лись на одном из склонов, среди покрытых инеем зарослей чермушника и крушины, и пару часов наблюдали за скрытым перемещением противника на фланги, вели счет технике, вооружению и живой силе.

Ближе к вечеру, когда за балкой заалел закат и горизонт вспыхнул ярко-красным заревом, разведчики, продрогшие до костей, спустились на дно оврага и стали пробираться к своим позициям.

Преодолев овраг, они поднялись по склону вверх и решили немного передохнуть, прежде чем пересечь большую поляну, занесенную сугробами. И здесь, на вершине склона, укрытого торчащим из снега репейником, Назаревич увидел стайку красногрудых снегирей, повисших на заиндевелом былье, словно волшебные фонарики.

— Павел, посмотри, какая красота,— прошептал Сергей.— Будто и нет войны. Живут, кормятся, щебечут. В детстве снегيري часто гостили в моей деревне. Мне так хотелось поддержать этих красавцев в руках. С закадычным другом Юркой Ковалем мы соорудили ловушку — к доске прикрепили петли из конского волоса, насыпали на доску мякины, установили ловушку на пустыре, где чаще всего обитали снегيري, стали издали наблюдать за ними. Как же мы радовались, когда в петлю угодила пухлый красногрудый снегирь! Но когда я освобождал его лапу, то почувствовал, как трепещет от страха птичье сердечко. И мне стало жаль красавца-снегиря. Я погладил его перышки, дал погладить Юрке, потом не удержался от искушения — прикоснулся щекой к розовому брюшку и отпустил снегиря на волю...

Разведчики всячески старались не потревожить птиц, чтобы не обнаружить себя. Однако снегيري заметили бойцов и тотчас взметнулись стайкой, стряхнув с былья легкое облачко белого инея. Разведчики выдержали паузу и ползком поднялись на вершину склона. И тут Павел услышал треск, будто кто-то неподалеку сломал сухой сучок. Он посмотрел на Сергея и увидел, что тот лежит рядом, уткнувшись головой в снег.

Сержант тихо позвал друга, но тот не ответил. Павел дотянулся до него рукой и слегка тронул за плечо. Сергей с трудом приподнял голову, прошептал: «Сбереги Анюту... и ребенка...» Листратов повернул тело разведчика на бок. На маскхалате Назаревича и на снегу атели пятна крови. «Сергея спас меня. Принял мою пулю на себя», — пронеслось в голове у Павла.

Укрывшись в овраге, Листратов оконеченными руками перевязал тяжелораненого друга. Тем временем стало темнеть. Не теряя ни минуты, сержант уложил Сергея на плащ-палатку и осторожно потащил за собой.

В пути пытался приободрить истекающего кровью земляка:

— Ничего, Серега, сдюжим! На Буйничском поле под Могиловом было тяжелее. Но выстояли, вырвались из окружения. Потерпи, брат, скоро доберемся до своих. А там твоя Анюта сделает все, чтобы вновь поставить тебя на ноги. Со своей задачей мы справились — выяснили обстановку. Комбат был прав — немцы хотят обойти нас с флангов, взять в кольцо, но у них ничего не выйдет. Хутор и высотка им не по зубам...

Сумеречные тени густо укутали снег, когда Павел подтащил к старой березе заколоченное тело друга. Здесь его встретили бойцы и комбат.

— Как это случилось? — сурово спросил Онуфриев, стягивая с головы шапку.— Неужто снайпер обнаружил?

— Похоже, что так. Это моя вина — надо было возвращаться под покровом темноты,— упавшим голосом произнес Павел.— Торопились доложить о выполнении задания, да и продрогли до костей...

— Жаль, такого разведчика потеряли,— с горечью произнес комбат.

Павел видел, как подбежала к Сергею Анюта, как упала на снег, зарыдала.

Листратов отошел в сторонку, закурил и жадно тянул сигарету, искоса наблюдая, как Анюта, уткнувшись головой в оконеченное тело Назаревича, плакала и что-то шептала. Не выдержал и Павел...

...В последнюю зиму снегيري в Мареевку не прилетели. Анна Петровна заметила, как после долгих ожиданий, Павел Максимович затосковал, поник. Фронтовик днем не находил себе места, а ночью нередко вставал, сидел у темного окна, прошитого стежками снегопада и тяжело вздыхал.

Анна Петровна встревожилась, позвонила старшему сыну Сергею, рассказала о захворавшем отце, о том, что он потерял всякий интерес к жизни и большую часть времени проводит в кровати.

Вскоре приехал Сергей. Он долго беседовал о чем-то с отцом. Потом достал из сумки небольшой магнитофон, поставил его у изголовья постели отца и нажал на клавишу. Приятный мужской голос сообщил: «А теперь по заявке Сергея Листратова, проживающего в областном центре, для его отца, фронтового разведчика Павла Максимовича Листратова, из деревни Мареевка, исполняется песня Юрия Антонова «Снегири». Нежно зазвучала гитара, и артист проникновенным голосом запел:

*Эта память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы,
И мне снятся всю ночь на снегу снегيري,
В белом инее красные птицы...*

Павел Максимович разволновался. На глазах фронтовика выступили слезы. Он встал, крепко обнял сына, похлопал ладонью по спине...

И теперь, каждый раз, как только сгущаются ранние зимние сумерки, Павел Максимович включает магнитофон и слушает песню, будто написанную для него и о нем:

*Мне все снятся военной поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снегири, и летят снегири
Через память мою до рассвета...*

Рядом устраивается Анна Петровна и, слегка прислонив седую голову к плечу мужа, слушает волнительную песню, вспоминает далекие фронтовые годы, друзей-однополчан и не может сдержать предательские слезы.